

Богданов Сергей Александрович**Bogdanov Sergey Aleksandrovich**

аспирант Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

PhD student, Far East Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕСТНОЙ ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР В 1932–1939 ГГ.

LOCAL AIR DEFENSE IN THE FAR EAST OF THE USSR IN 1932–1939

Аннотация:

В статье рассматривается процесс организации местной противовоздушной обороны (МПВО) на Дальнем Востоке СССР в 1932–1939 гг. Организация МПВО проходила в условиях нестабильной геополитической обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе и политических репрессий 1930-х гг. Проанализирована деятельность государственных и партийных органов, формирований МПВО, Осоавиахима, Общества Красного Креста и других ведомств по подготовке населения, предприятий и объектов транспорта к противовоздушной и противохимической обороне. На основе конкретных примеров показано взаимодействие органов власти и подразделений МПВО при проведении мероприятий противовоздушной обороны: оповещении населения, светомаскировке зданий, предприятий и объектов, строительстве защитных сооружений, подготовке населения, организации учений и т. д. Сделан вывод, что система МПВО Дальнего Востока в 1930-е гг. находилась в процессе становления. Работа основана на материалах архивных документов Российского государственного военного архива и Государственного архива Хабаровского края.

Ключевые слова:

местная противовоздушная оборона, противохимическая оборона, Дальний Восток, формирования МПВО, Осоавиахим, Общество Красного Креста, оповещение, светомаскировка, воздушная тревога, убежище, учения.

Summary:

The paper deals with the process of mustering local air defense in the Far East of the USSR in 1932–1939. It was held in the context of the unstable geopolitical situation in the Asia-Pacific region and political repressions in the 1930s. The author analyzes the activities of state and party bodies, the local air defense units, Osoaviakhim (Society for the Promotion of Aviation and Chemical Defense), the Red Cross Society and other departments for training the population, enterprises and transport facilities for anti-air and chemical defense. Based on the specific case studies, the research shows the interaction between the authorities and the local air defense units during the air defense activities: warning the population, blackout of buildings, enterprises and facilities, the construction of defensive structures, population training, exercises. The author concluded that, in the 1930s, the system of the local air defense of the Far East was in the process of being established. The research is based on the documents of the Russian State Military Archive and the State Archives of the Khabarovsk Territory.

Keywords:

local air defense, chemical defense, Far East, local air defense units, Osoaviakhim (Society for the Promotion of Aviation and Chemical Defense), Red Cross Society, warning, blackout, anti-aircraft alarm, refuge, exercises.

В начале 1930-х гг. технический прогресс в сфере развития военной авиации в Западной Европе, США и Японии диктовал необходимость усиления противовоздушной обороны Советского Союза. Боевые возможности авиации по нанесению ударов по гражданским объектам в тылу противника были продемонстрированы государствами еще в годы Первой мировой войны. Ввод в строй военно-воздушных сил западных стран тяжелых бомбардировщиков, способных наносить авиаудары в глубоком тылу потенциального противника, требовал от советского руководства принятия эффективных мер по защите не только военных объектов и армейских подразделений, но и гражданского населения и промышленных предприятий. Усилий военной противовоздушной обороны для решения этих задач было недостаточно.

4 октября 1932 г. Совет народных комиссаров СССР утвердил Положение о местной противовоздушной обороне (МПВО). Ее задачами стали: защита населения от средств поражения; создание условий, обеспечивающих надежность работы объектов народного хозяйства в случае нападения противника с воздуха; проведение спасательных работ и оказание помощи пострадавшим; выполнение неотложных аварийно-восстановительных работ при ликвидации последствий нападения вражеской авиации [1, л. 122]. По утверждению А.В. Гусева, исследовавшего проблемы организации МПВО в предвоенный период, развитие системы МПВО проходило по военному и гражданскому направлениям [2, с. 151–156]. Общее руководство МПВО СССР осуществлялось Народным комиссариатом по военным и морским делам СССР. МПВО являлась составной частью противовоздушной обороны страны.

Нестабильная геополитическая обстановка в Азиатско-Тихоокеанском регионе требовала усиления противовоздушной обороны страны на Дальнем Востоке. Пришедшие к власти в Японии военно-политические круги были сторонниками военно-политической экспансии в Азии. Политика японской агрессии нашла свое отражение не только в захвате Маньчжурии в 1931–1932 гг., но и в нападении на Китай в 1937 г. [3, р. 184–185]. В 1930-е гг. японские ученые на оккупированной китайской территории стали проводить эксперименты по разработке бактериологического оружия [4].

Советско-японские отношения в этот период находились на грани полномасштабной войны. Японское руководство рассматривало СССР в качестве ближайшего вероятного противника. После оккупации Маньчжурии в 1931–1932 гг. японские войска вышли к государственной границе Советского Союза от Забайкалья до Приморья. Инциденты и провокации на границе переросли в боестолкновения. Япония развязала вооруженные конфликты на озере Хасан в Приморье в 1938 г. и на реке Халхин-Гол в Монголии в 1939 г. [5, с. 59–62]. Угроза японского нападения, по мнению исследователя социального развития Дальнего Востока СССР в 1930–1940-е гг. А.А. Исаева, потребовала от центральных и местных властей принять срочные и энергичные меры в целях усиления оборонно-массовой работы среди населения Дальнего Востока [6, с. 79]. Для отражения возможной японской агрессии, по мнению исследователя оборонно-экономического потенциала Дальнего Востока СССР Г.А. Ткачевой, руководство страны было вынуждено проводить мероприятия по повышению обороноспособности Дальневосточного региона. Благодаря им удалось укрепить геополитические позиции Советского Союза в годы Второй мировой войны на дальневосточном направлении [7].

Во второй половине 1930-х гг. стала формироваться система МПВО советского Дальнего Востока. В 1936 г. Совет народных комиссаров СССР включил дальневосточные города Владивосток, Благовещенск, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Спасск, Ворошилов (в настоящее время – Уссурийск) в систему МПВО. Ответственность за организацию местной ПВО была возложена на председателей горсоветов. Общегородские мероприятия МПВО осуществлялись под непосредственным руководством местных городских советов с привлечением широких слоев населения города и городских организаций Осоавиахима (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству) [8, л. 1–2].

В январе 1937 г. был создан штаб МПВО города Хабаровска со штатом в 6 человек, подчинявшийся председателю Хабаровского горсовета Э.Г. Райхману. При штабе в соответствии с профессиональными обязанностями действовали девять соответствующих служб. В 1938 г. в подчинении начальника Хабаровского городского штаба майора Грачева находились следующие службы: медико-санитарная, противопожарная, инженерно-коммунальная, связи, ветеринарная, охраны революционного порядка, светомаскировки, транспортная, химическая [9, л. 28]. Штаб МПВО был оперативно подчинен начальнику пункта ПВО ОКДВА (Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии).

Процесс становления системы МПВО на Дальнем Востоке имел свои проблемы: нехватка кадров усугублялась политическими репрессиями, которые затронули и Дальний Восток. В 1937–1938 гг. городские Советы и партийные комитеты, в ведении которых находилась система МПВО, охватила волна чисток. Председатель Хабаровского горсовета Э.Г. Райхман был арестован и приговорен к высшей мере наказания в 1938 г.

В августе 1938 г. президиум Далькрайисполкома отмечал, что председатели облисполкомов, горсоветов и руководители советских и хозяйственных организаций не занимаются вопросами МПВО и не ликвидируют последствия работы репрессированных руководителей [10, л. 94]. Инспекция ПВО обращала внимание на недостаточную политико-массовую работу в подразделениях. Особо отмечались обнаруженные недостатки в политической работе. Так, в «квартире одного бойца [пожарной охраны] на портрет тов. Сталина (на лицо) прибит радиорепродуктор» [11, л. 3].

Во второй половине 1930-х гг. подразделения МПВО, несмотря на имевшиеся проблемы с кадровым составом и политическими репрессиями, также были созданы во Владивостоке, Благовещенске, Биробиджане, Комсомольске-на-Амуре и других крупных городах Дальнего Востока. Города административно подразделялись на районы и участки МПВО. Так, в Хабаровске в конце 1930-х гг. насчитывались три района (Центральный, Сталинский, Кировский) и шесть участков МПВО [12, л. 29–32].

Городской участок МПВО состоял из объектов первой и второй категории, некатегорированных объектов и жилого массива. Заводы, фабрики, комбинаты и предприятия оборонного значения входили в объекты первой категории. В Хабаровске к первокатегорийным объектам относились заводы имени Молотова, Кагановича, Кирова, Хабаровская электростанция, железнодорожные станции Хабаровск-1 и Хабаровск-2 (всего 15). Предприятия местного значения входили в объекты второй категории. При объектах и участках были сформированы подразделения МПВО (команды управления, противопожарные, медико-санитарные, аварийно-восстановительные команды и другие формирования). В них зачислялись мужчины 18–45 лет и женщины 18–35 лет

после прохождения медкомиссии. Как правило, члены этих подразделений были преимущественно из одного учреждения. При формировании подразделений также учитывались пожелания бойца состоять в той или иной команде или участке. Начальствующий состав формирований, как правило, включал начальника, политрука и взводных командиров. Приписанные к формированиям МПВО члены формирований привлекались на учебные и проверочные сборы.

Подразделения МПВО должны были предупреждать население о воздушной опасности, заблаговременно подготавливать мирных жителей и предприятия к возможным бомбардировкам и ликвидации их последствий. Для подготовки формирований МПВО в случае налетов авиации противника или применения отравляющих веществ силами работников предприятий или организаций проводились месячники ПВО.

Оповещение населения осуществлялось с помощью уличных репродукторов, сирен, заводских гудков. Участки МПВО, отделения милиции и первокатегорийные объекты были связаны прямой телефонной связью с командным пунктом и со всеми объектами, подключенными к городской телефонной станции. Предупреждать население о воздушной опасности также должна была сеть наблюдательных постов. Они устанавливались на территории городских участков МПВО на зданиях с хорошим обзором местности. Место поста должно было быть известно населению и обозначаться хорошо видимым днем и ночью указателем (фонарь, флаг).

Для уменьшения заметности населенных пунктов с воздуха проводились мероприятия по светомаскировке жилых зданий, объектов, предприятий, улиц и транспорта. Светомаскировка включала отключение освещения в жилых домах, зашторивание оконных проемов во всех помещениях, где горел свет, после сигнала воздушной тревоги, устройство наружного и внутреннего маскировочного освещения, установку светуказателей на улицах и предприятиях, подготовку электросетей к работе в условиях светомаскировочного режима. Режим маскировочного освещения подразделялся на «угрожающее положение» и «воздушную тревогу» [13, л. 14]. В 1938 г. Хабаровская электростанция разработала проект освещения центральных городских улиц в режиме ПВО во время «угрожающего положения». Согласно проекту, на опорах освещения дополнительно устанавливали светомаскировочные лампы синего цвета, благодаря чему обеспечивалось движение транспорта. В режиме «воздушной тревоги» весь городской транспорт должен был прекратить движение, а все наружное маскировочное освещение предполагалось выключить [14, л. 3, 15]. Особо трудной была светомаскировка города Хабаровска, так как краевой центр находился рядом с местом слияния рек Амура и Уссури, что само по себе было сильным демаскирующим признаком.

Одним из наиболее опасных последствий воздушных налетов было вероятное заражение местности отравляющими веществами. Борьба с последствиями химической атаки возлагалась на химическую службу МПВО. В нее входили взводы дегазации ручными приборами, сухой дегазации при помощи машин и огневой и жидкой дегазации. На большинстве объектов МПВО имелось необходимое имущество (противогазы, комбинезоны, знаки заграждения, газоопределятели). Химические команды были оснащены обеззараживающими веществами (хлорная известь). Для дегазации зараженных участков в городах сосредоточивались запасы хлорной извести и других дезактивирующих веществ. Местные власти принимали решения о строительстве газоубежищ и ветеринарных пунктов для пострадавших от отравляющих веществ животных.

Больницы и поликлиники приспособлялись под пункты первой помощи для пострадавших от отравляющих веществ. Обмывочные пункты оборудовались в действующих банях. В городах были созданы подвижные и стационарные медицинские учреждения для приема пострадавших от отравляющих веществ. Они были представлены пунктами первой помощи, обмывочными пунктами, санитарными лабораториями. В 1938 г. в Хабаровске работало 5 СПМ (стационарных пунктов медпомощи), Комсомольске-на-Амуре – 1, Биробиджане – 2, Благовещенске – 2 [15, л. 6]. Всего в Хабаровске действовали 25 стационарных и 20 подвижных, в Благовещенске – 7 и 14 медучреждений МПВО [16].

В то же время лечебные учреждения зачастую не имели убежищ и герметизированных палат. В городах Хабаровского края (образован в 1938 г.) не было работающих дегазационных камер. Имевшаяся в распоряжении хабаровской краевой больницы дегазационная камера так и не была установлена из-за отсутствия специалистов-монтажников. Ощущался большой недостаток лабораторий и реагентов для определения взрывчатых веществ.

Возможности медицинских учреждений ограничивал дефицит койко-мест. Так, в Хабаровске из 620 коек для нужд МПВО можно было использовать 300. В то же время по ориентировочным расчетам после первых дней налетов необходимо было иметь не меньше тысячи коек [17, л. 7]. Для обеспечения пострадавших предлагалось в случае необходимости разместить койки в домах отдыха и клубах. В медицинскую службу МПВО также включались санитарные дружины и посты Красного Креста, в Хабаровске медико-санитарная служба включала команды из студентов медицинского института и акушерской школы.

Требования МПВО учитывались и при строительстве новых населенных пунктов и городских районов. Так, в строившемся Комсомольске-на-Амуре улицы с многоэтажными зданиями должны были быть шириной минимум в 50 м. Ни одно здание не должно было возводиться без согласования с начальником пункта ПВО Комсомольска-на-Амуре. Во всех крупных строящихся зданиях необходимо было предусмотреть оборудование защитных комнат, газоубежищ, душевых установок и соблюдение противопожарных мероприятий (лестницы, пожарные краны, колонки, автоматическая сигнализация) [18, л. 215]. На практике многие из предписаний, касающихся МПВО, либо не выполнялись, либо выполнялись частично.

В 1938 г. проверка Дальневосточного фронта обнаружила существенные недостатки объектов МПВО. И. о. начальника противовоздушной обороны Дальневосточного фронта Красавин в письме Дальневосточному крайисполкому сообщал, что ни в одном из пунктов ПВО для хранения специальных и грузовых машин не было гаражей или навесов, защищавших автомобили от солнечных лучей и осадков [19, л. 100]. Убежища в подвалах домов и защитные комнаты в зданиях не защищали людей от фугасных бомб крупного калибра с замедленным действием, разрушавших все здание и подвалы. Боеприпасы этого типа применялись в Гражданской войне в Испании, и их использование было весьма вероятным в войне против Советского Союза.

В телеграмме и. о. начальника ПВО Дальневосточного фронта Красавина председателю Совета народных комиссаров СССР В.М. Молотову критиковался план мероприятий по строительству в дальневосточных городах больше 120 газоубежищ в подвальных помещениях зданий [20, л. 109]. В телеграмме сообщалось, что строительство полевых укреплений вне зданий (в том числе щели) не имело смысла, так как они быстро приходили в негодность, их следовало возводить только при непосредственной угрозе населению. Командование ответственно за ошибочный, по его мнению, план мероприятий возлагало на прежнее руководство МПВО [21, л. 109].

Готовность подразделений МПВО проверялась в ходе периодических учений. Так, в отчете начальника противовоздушной обороны города Александровска-Сахалинского Подгорбунского сообщалось о проведенном в городе учении противовоздушной и химической обороны. Проверялась готовность действий по сигналу «воздушная тревога» порта, учреждений здравоохранения, связи и подразделений МПВО. Оповещение населения проводилось при помощи телефонной сети, радио, гудков электростанций, сирен, внутренней сигнализации объектов. В роли условных вражеских бомбардировщиков выступали самолеты Осоавиахима и Сахалинского авиаотряда. Для достижения условий, максимально приближенных к боевым, применялись имитационные средства. Имитация бомбежки проводилась сбрасыванием с самолетов пакетов из сажки и песка. Фугасные авиабомбы имитировались разрывом взрывпакетов, пожар – дымовыми шапками. Разрушения от бомб на учениях обозначались воронками, завалами, разрушением водопроводной сети, фанерными щитами с указанием характера повреждений. Неразорвавшиеся бомбы были представлены углубленными в почву деревянными макетами. В роли пострадавших людей и животных выступали статисты с аттестатами о характере поражений.

Как отмечал Подгорбунский в своем отчете, учение продемонстрировало неспособность местных подразделений и учреждений справиться с ликвидацией авианалета. Начальник ПВО города сделал вывод, что команда порта не справилась с задачами по тушению, восстановлению, дегазации и эвакуации пострадавших [22, л. 5–6].

Подготовка команд МПВО и защита от отравляющих веществ были организованы и на транспортных предприятиях – Верхне-Амурском речном пароходстве и Дальневосточной железной дороге. Суда в случае начала войны с Японией должны были обеспечивать военные перевозки под огнем противника. Положение осложнялось близким расположением пристаней и судововерфей пароходства, находящихся в городе Благовещенске, от государственной границы. Из-за этого они оказывались в зоне поражения не только воздушного вражеского флота, но и наземных средств противника с близкого расстояния [23, л. 38]. В системе путей сообщения первоочередное внимание уделялось железнодорожным узлам (Хабаровский железнодорожный узел).

МПВО испытывала проблему с подготовкой кадров начальствующего состава, так как своей учебной базы МПВО на Дальнем Востоке не было. Командный состав назначался из офицеров Красной армии. Кроме того, в краевой школе противовоздушной и химической обороны Осоавиахима готовили начальников команд МПВО.

Государственные и партийные органы, Осоавиахим, Общество Красного Креста и другие ведомства взаимодействовали с МПВО по вопросам противовоздушной подготовки населения и предприятий. В 1930-е гг. были созданы штабы и формирования МПВО. Вместе с тем вопросы защиты населения (строительство укрытий и убежищ, вывод людей из населенных пунктов) не были отработаны. Отсутствовали учебные заведения для подготовки начальствующего состава. Система МПВО Дальнего Востока СССР находилась в процессе становления.

Ссылки:

1. РГВА (Рос. гос. воен. арх.). Ф. 37878. Главное управление МПВО (местной противовоздушной обороны). Оп. 1. Д. 125. Материалы по истории МПВО страны в предвоенные годы и начальный период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1942 г. Л. 122.
2. Гусев А.В. Исторические аспекты создания местной системы защиты населения и объектов от воздушного и химического нападения в СССР // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 4, № 3. С. 151–156.
3. Woodruff W. Asia in the Interwar Years // A Concise History of the Modern World. L., 1998. P. 183–202.
4. Harris Sh. Japanese Biological Warfare Experiments and Other Atrocities in Manchuria, 1932–1945, and the Subsequent United States Cover Up: A Preliminary Assessment // Crime, Law and Social Change. 1991. Vol. 15, no. 3. P. 171–199.
5. Исаев А.А. Общество Дальнего Востока СССР в условиях японской опасности (1930-е – середина 1940-х гг.). Владивосток, 2014. С. 59–62.
6. Там же. С. 79.
7. Tkacheva G.A. The Geopolitics of the Second World War // Historic Meaning of the End of World War II and Its Implications for Today. Seoul, 2007. P. 118–143.
8. РГВА. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 126. Постановления Совета народных комиссаров (СНК) СССР и приказы Революционного военного совета СССР и народных комиссариатов по МПВО. Л. 1–2.
9. ГАХК (Гос. арх. Хабар. края). Ф. П-35. Хабаровский краевой комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 18. Докладные записки Хабаровского обкома... справки о состоянии МПВО в г. Хабаровске. 27 апр. 1938 – 20 янв. 1939 г. Л. 28.
10. ГАХК. Ф. Р-751. Штаб МПВО Хабаровского края. Оп. 1. Д. 2. Переписка по вопросам комплектования и боевой подготовки штабов и команд МПВО, материально-технического обеспечения подразделений, строительства убежищ, справки о состоянии и готовности МПВО. 1938 г. Л. 94.
11. ГАХК. Ф. П-30. Хабаровский городской комитет ВКП(б). Оп. 2. Д. 35. Докладные записки, информация о партийно-массовой работе на предприятиях, о работе медицинских учреждений. 1938–1939 гг. Л. 3.
12. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 18. Л. 29–32.
13. ГАХК. Ф. Р-690. Хабаровская городская электростанция. Оп. 1. Д. 17. Проект и смета на уличное боевое освещение ПВО г. Хабаровска, Временная инструкция по устройству светомаскировки. 14 июня – 21 нояб. 1938 г. Л. 14.
14. Там же. Л. 3, 15.
15. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 30. Докладная записка о состоянии МПВО в городах Хабаровского края. 1938–1939 гг. Л. 6.
16. Там же.
17. Там же. Л. 7.
18. ГАХК. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 1. Л. 215.
19. Там же. Д. 5. Переписка по вопросам комплектования и боевой подготовки штабов и команд МПВО, материально-технического обеспечения подразделений, строительства убежищ, справки о состоянии и готовности МПВО. 1938 г. Л. 100.
20. Там же. Л. 109.
21. Там же.
22. ГАХК. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–6.
23. Там же. Л. 38.

References:

Gusev, AV 2011, 'Historical aspects of creating a local system for protecting the population and objects from air and chemical attacks in the USSR', *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, vol. 4, no. 3, pp. 151-156, (in Russian).

Harris, Sh 1991, 'Japanese Biological Warfare Experiments and Other Atrocities in Manchuria, 1932–1945, and the Subsequent United States Cover Up: A Preliminary Assessment', *Crime, Law and Social Change*, vol. 15, no. 3, pp. 171–199. <https://doi.org/10.1007/bf00196721>.

Isaev, AA 2014, *The society of the Far East of the USSR in the context of the Japanese danger (the 1930s – the mid-1940s)*, Vladivostok, pp. 59-62, 79, (in Russian).

Tkacheva, GA 2007, 'The Geopolitics of the Second World War', *Historic Meaning of the End of World War II and Its Implications for Today*, Seoul, pp. 118–143.

Woodruff, W 1998, 'Asia in the Interwar Years', *A Concise History of the Modern World*, London, pp. 183–202. https://doi.org/10.1007/978-1-349-26663-0_13.